

Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее общие вопросы теории и законодательного регулирования уголовно-процессуальной формы — необходимого атрибута производства по уголовному делу. Исходя из процедурного понимания уголовно-процессуальной формы, разграничивая ее с формализмом как негативным явлением в правоприменительной практике, автор приходит к выводу о ее высоком предназначении, обусловленном совокупностью действенных юридических гарантий эффективности и доброкачественности результатов по уголовному делу. Одновременно автор рассматривает важнейшие юридические свойства уголовно-процессуальной формы: единство, всеобщность, обязательность, анализирует связанные с ними проблемы, возникающие в правотворчестве, а также в деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, адвокатуры и иных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Результаты проведенного исследования позволили сформулировать авторскую дефиницию уголовно-процессуальной формы, определить основные тенденции и наметить перспективы для ее дальнейшего развития в контексте поиска разумного баланса между публичными интересами общества и государства, с одной стороны, и правами личности — с другой.

Ключевые слова: порядок уголовного судопроизводства; правопонимание; правосознание; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальная форма; уголовно-процессуальное право; уголовно-процессуальные гарантии; уголовно-процессуальные правоотношения; уголовный процесс; формализм.

Для цитирования: Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 9. — С. 67—79. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.067-079.

A Criminal-Procedural Form: Essence, Problems, Trends and Prospects of Development

Sergey B. Rossinskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the most general issues of theory and legislative regulation of the criminal-procedural form—the necessary attribute of proceedings in a criminal case. On the basis of a procedural understanding of the criminal-procedural form, distinguishing it from formalism as a negative phenomenon in law enforcement

© Россинский С. Б., 2020

* *Россинский Сергей Борисович*, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
s.rossinskiy@gmail.com

practice, the author concludes that the criminal-procedural form serves a high purpose predetermined by a set of legal guarantees ensuring the effectiveness and high quality of criminal case results. At the same time, the author considers the most important legal properties of the criminal-procedural form: unity, universality, obligatory nature. The author also analyzes related problems arising in lawmaking and in the activities of the preliminary investigation bodies, the prosecutor's office, the court, the bar and other persons involved in criminal proceedings. The results of the study allowed the author to give his own definition of the criminal-procedural form, determine the main tendencies and outline the prospects for its further development in the context of finding a reasonable balance between the public interests of the society and the state, on the one hand, and the rights of an individual, on the other.

Keywords: procedure of criminal proceedings; legal understanding; legal awareness; criminal proceedings; criminal procedure; criminal-procedural form; criminal procedure; criminal procedure law; criminal law procedural guarantees; criminal procedure relations; criminal process; formalism.

Cite as: Rossinskiy SB. Uголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития [A Criminal-Procedural Form: Essence, Problems, Trends and Prospects of Development]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(9):67—79. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.067-079. (In Russ., abstract in Eng.).

Среди всего многообразия проблем теории, правового регулирования практики расследования и судебного разбирательства уголовных дел особое место традиционно занимали и продолжают занимать вопросы, связанные с сущностью, предназначением уголовно-процессуальной формы и ее соотношением с иными базовыми категориями уголовного судопроизводства. И здесь нет ничего удивительного, поскольку она имеет универсальный характер, определяет содержание процессуальной деятельности, обуславливает как общие, так и более точные правила поведения органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда, иных участвующих в уголовном деле лиц, выражаясь в возникновении, течении, изменении или прекращении соответствующих правоотношений либо юридических состояний. Иными словами, процессуальная форма является неотъемлемой частью уголовного судопроизводства¹. А сама потребность в ее существовании обуславливается в первую очередь необходимостью разумного сдерживания и ограничения изобретенных за долгие годы развития человеческого общества средств и методов выяснения неизвестных обстоятельств, то есть направления познавательной деятельности в «правильное» русло, отвечающее политическому климату и социальным

ценностям определенного государства в определенный исторический период. Уголовно-процессуальная форма, писал В. Ф. Пашкевич, создает тот режим законности, который является первостепенным условием успешной борьбы с преступными проявлениями и необходимой гарантией личности от произвола и судебных ошибок². Поэтому выработанные в доктрине и отраженные в законодательстве подходы к уголовно-процессуальной форме, сопутствующие ей проблемы, тенденции и перспективы ее развития самым тесным образом переплетены с назначением и принципами уголовного судопроизводства, общими условиями проведения отдельных стадий процесса, полномочиями субъектов уголовной юрисдикции, правами и обязанностями подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, иных заинтересованных лиц и т.д.

Анализ специальной литературы позволяет выявить несколько достаточно близких, но тем не менее обладающих определенной спецификой точек зрения на проблему сущности уголовно-процессуальной формы. Так, в некоторых публикациях под ней понимается установленный законом порядок производства по уголовному делу в целом и проведения различных процессуальных действий, принятия процессуальных решений в частности³. В других источниках уго-

¹ Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М. : Юрид. лит., 1981. С. 7.

² Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. М. : Юрид. лит., 1975. С. 255.

³ Например: Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М. : Госюриздат, 1951. С. 33 ; Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М. : Госюриздат, 1961. С. 71 ; Мед-

ловно-процессуальная форма отождествляется с условиями или требованиями, определяющими данный порядок⁴. И наконец, третья группа ученых придерживается компромиссных взглядов, признавая уголовно-процессуальной формой и совокупность регламентированных законом условий, и порядок их выполнения⁵.

Конечно, каждая из приведенных доктринальных позиций имеет право на существование. Более того, они не предполагают принципиальных различий и, видимо, выражают какой-то единый, общепринятый смысл, но через разные категории науки уголовного процесса. Однако, на наш взгляд, более разумным все же является подход к пониманию уголовно-процессуальной формы не как системы условий или требований, а как самого порядка уголовного судопроизводства, то есть совокупности длящихся или более локальных (единовременных) юридических процедур, позволяющих органам дознания, предварительного следствия, прокурору или суду осуществлять свои полномочия, а иным участвующим в уголовном деле лицам — реализовать права или выполнить установленные законом обязанности. Представляется, что уважаемые авторы, считающие уголовно-процессуальную форму системой правовых условий и требований, просто смешивают ее сущность с сущностью уголовно-процессуального права. Эти категории действительно сильно взаимосвязаны, взаимообусловлены и переплетены между собой. Так, жизнеспособность уголовно-процессуального права определяется необходимостью регламентации уголовно-процессуальной формы. В свою очередь, форма находит отражение исключительно в положениях уголовно-процессуального законодательства, то

есть в тексте Уголовно-процессуального кодекса (например, ч. 1 ст. 1 УПК РФ).

Но тем не менее данные категории вполне различимы. Уголовно-процессуальная форма выражается в конкретных уголовных делах, в единичных действиях и решениях органов предварительного расследования, прокурора, суда, в разовых поведенческих приемах других участников судопроизводства, являющихся содержанием объективно существующих правоотношений. А уголовно-процессуальное право имеет более абстрактный характер, и его положения, как и любые иные правовые нормы, рассчитаны на неопределенный круг и неопределенное количество актов реализации: соблюдения, исполнения, использований, применений. В этой связи Т. Н. Добровольская и П. С. Элькин справедливо писали, что уголовно-процессуальные отношения образуют внутреннюю форму уголовного судопроизводства, которую следует отличать от как бы внешней формы, представляющей собой совокупность условий выполнения уголовно-процессуальных действий и их обрядность. Авторы также обращали внимание на недопустимость смешения указанной внешней формы элементами уголовно-процессуальной деятельности⁶.

Таким образом, несмотря на тесную взаимосвязь и взаимообусловленность уголовно-процессуальной формы и уголовно-процессуального права, различия между данными категориями вполне понятны и очевидны. Уголовно-процессуальное право представляет собой систему юридических норм (правил, условий, требований), регламентирующих порядок реализации полномочий субъектов уголовной юрисдикции, прав и обязанностей иных участвующих лиц, то

ведева М. О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития : дис. ... канд. юрид. наук. М. : МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018. С. 45.

⁴ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1. С. 51 ; Якуб М. Л. Указ. соч. С. 9.

⁵ Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск : БГУ имени В. И. Ленина, 1974. С. 102—103 ; Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М. : Юрид. лит., 1989. С. 121.

⁶ Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М. : Юрид. лит., 1976. С. 239.

есть выражает нормативную сторону уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальная форма, напротив, связана с конкретными действиями, решениями и другими поведенческими актами указанных лиц, заключающимися в некоторых изменениях объективно существующей реальности, то есть выражает сугубо *практическую, правоприменительную сторону* уголовного судопроизводства.

Кстати, именно в подобном правоприменительном контексте следует толковать и некоторые положения УПК РФ, устанавливающие наступление юридических санкций за нарушение норм уголовно-процессуального права. Например, под существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, предполагающими отмену (изменение) приговора (иного судебного акта) судом апелляционной, кассационной либо надзорной инстанции (ст. 389.17, 401.15 и 412.9 УПК РФ), конечно, понимаются не абстрактные негативные деяния, а реальные противоправные действия, бездействие или решения органов предварительного расследования, прокуратуры или нижестоящих судов, выраженные в пренебрежении процессуальной формой по конкретному уголовному делу, в частности в ограничении гарантированных прав участников уголовного судопроизводства, в игнорировании процедуры судопроизводства и т.д.

Результаты изучения различных публикаций, так или иначе затрагивающих проблемы формализации уголовного судопроизводства, заставляют обратить внимание на одно обстоятельство. Уважаемые авторы почему-то обычно стараются обойти один из первостепенных, если даже не самый важный, методологический вопрос, касающийся процессуальной формы, — саму причину, вызвавшую потребность в ее существовании и юридическом закреплении. В большинстве работ уголовно-процессуальная форма позиционируется как некая данность, правовая аксиома, не вызывающий сомнений неоспоримый факт.

Подобное несколько безразличное отношение к предназначению процессуальной формы просматривается и в монографических источниках, и в научных статьях, прямо посвященных указанной проблематике⁷. Что уж говорить о многочисленной учебной литературе, где проблемы формализации уголовного судопроизводства вообще обычно освещаются достаточно коротко и сжато. Даже один из самых авторитетных отечественных специалистов в этой сфере — профессор М. С. Строгович объяснял потребность в процессуальной форме несколько отвлеченно, преимущественно общими словами. Форма, писал автор, это не пустая формальность, а абсолютно необходимое условие правильности расследования и разрешения уголовных дел, поскольку содействует меткости и безошибочности применения уголовной репрессии, успешности борьбы с преступлениями⁸.

Отсутствие видимых причин для юридической формализации уголовного судопроизводства невольно заставляет задуматься, а нужна ли в принципе процессуальная форма или без нее вполне можно обойтись? В таком контексте людям, незнакомым с базовыми постулатами, глубинными проблемами и хитросплетениями правовой доктрины, уголовно-процессуальная форма вообще может показаться не более чем проявлением научного или законодательного волюнтаризма либо догматизма. Может создаться ложное впечатление, что форма лишь обременяет расследование и судебное разбирательство уголовных дел бессмысленными предписаниями и запретами, создающими дополнительные трудности для правоприменительной практики.

Тем более что основная цель уголовного судопроизводства — обеспечение возможности реализации уголовного права — гипотетически вполне достижима и вне какого-либо законного порядка, а лишь посредством природных способностей людей к познанию и логическим рас-

⁷ Например: Шпилев В. Н. Указ. соч. С. 101—103 ; Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М. С. Свиридова. Томск : Томский госуниверситет, 2001. С. 46 ; Григорьев В. Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 1. С. 42—43.

⁸ Строгович М. С. Указ. соч. С. 52.

суждениям, практических навыков добывания информации, выработанных за всю историю человечества, и понятийного представления о допустимых и недопустимых приемах взаимоотношений с другими лицами. Кстати, нечто подобное наблюдалось в первые годы существования советской власти (с 1917 по 1922 г.), когда уголовно-процессуальное законодательство Российской империи было отменено, а вновь образованным народным судам и следственным комиссиям предписывалось во всех случаях, не урегулированных декретами рабоче-крестьянского правительства, действовать исключительно в соответствии с социалистическим правосознанием⁹.

Причины, обуславливающие потребность в формализации уголовного судопроизводства, конечно, существуют. И они напрямую связаны с необходимостью обеспечения уголовно-процессуальных отношений *действенными правовыми гарантиями* эффективности и доброкачественности промежуточных и окончательных результатов по уголовному делу. К ним, в частности, относят: гарантии законности; гарантии уголовного преследования, гарантии доказывания, гарантии прав участников, вовлеченных в досудебное или судебное производство, и др. Кроме того, к уголовно-процессуальным гарантиям также можно причислить правовые средства, обеспечивающие уважение к правосудию (например, ч. 1—3 ст. 257, ч. 1 ст. 310 УПК РФ), воспитательное воздействие на граждан¹⁰, реализацию иных социально значимых функций¹¹. Именно указанные гарантии в своей совокупности и должны предопределять такую форму производства по уголовному делу, которая в наибольшей степени будет соответствовать закономерностям существования и развития опре-

деленного общества и государства в определенный исторический период. К слову, наиболее подробное описание правовых гарантий, детерминирующих в своей совокупности потребность в уголовно-процессуальной форме для предварительного расследования и судебного разбирательства, дается в работах М. Л. Якуба¹².

Таким образом, каждое процессуальное действие либо решение субъекта уголовной юрисдикции, каждый прием процессуального поведения обвиняемого, защитника, потерпевшего, других участников судопроизводства обуславливается теми или иными правовыми гарантиями. В противном случае их формализация действительно становится бессмысленной. Другое дело, что каждый акт (группа однородных актов) процессуального поведения характеризуется своим собственным набором юридических гарантий, отличающимся от других как по объему, так и по содержанию. И в этой связи для разных процессуальных действий, решений, прочих приемов процессуального поведения УПК РФ предусматривает различную степень формализации: иногда регламентирует буквально каждый шаг соответствующего субъекта, а иногда предполагает более свободную форму, подчиняя ее преимущественно принципам уголовного судопроизводства и другим базовым положениям уголовно-процессуального права. Но тем не менее какие-либо элементы процессуальной формы (например, основания, полномочия и правомочия участвующих лиц, сроки и последовательность проведения и т.д.) присущи любому правоотношению, находящемуся в сфере уголовно-процессуального регулирования.

Глубокое понимание судьями, прокурорами, адвокатами, сотрудниками органов дознания, предварительного следствия предназначения

⁹ Декрет ВЦИК от 30.11.1918 «О Народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889 (Документ утратил силу); Декрет ВЦИК от 21.10.1920 «Положение о Народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407 (Документ утратил силу).

¹⁰ Строгович М. С. Указ. соч. С. 41.

¹¹ Козявин А. А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 79; Смирнова И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск: Томский госуниверситет, 2012. С. 16—17.

¹² Якуб М. Л. Указ. соч. С. 11—12.

процессуальной формы в большой степени способствует правильной практической реализации предусмотренных законом дозволений, предписаний и запретов в соответствии с их высоким правовым смыслом. В то же время непонимание или недопонимание подлинного предназначения процессуальной формы приводит к «юридической казенщине», то есть к правоприменительному формализму, о недопустимости которого уже неоднократно писали специалисты¹³ и который еще достаточно часто сопутствует практике расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел. Например, при разъяснении прав какому-либо участнику процесса следователь, обладающий должным уровнем правопонимания, вряд ли будет имитировать выполнение этого элемента процессуальной формы, заставив лицо просто расписаться в соответствующей графе протокола, а судья — быстро и монотонно зачитывать соответствующие права из УПК РФ и т.д.

Представляется, что все вышесказанное можно выразить в виде короткого афоризма: «*Формализм — это правоприменение без правопонимания*». Автор настоящей статьи уже много лет пытается донести эту простую, но в то же время крайне важную юридическую «формулу» до своих учеников, стараясь тем самым внести скромный вклад в воспитание будущих юридических кадров, обладающих наряду с необходимыми знаниями, умениями и навыками высоким уровнем правосознания, правопонимания, правовой культуры и ответственности перед государством, обществом и отдельными личностями за надлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей.

Кстати, иметь правильное представление о предназначении уголовно-процессуальной

формы было бы неплохо и непрофессиональным участникам уголовного процесса (подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю, некоторым экспертам либо специалистам и т.д.). Это тоже в определенной мере способствует обеспечению позитивной правоприменительной практики, поскольку позволяет уменьшить присущий многим людям страх перед участием в судопроизводстве («как бы не затаскали!»), а также минимизировать риски злоупотреблений своими процессуальными правами. А решение подобной задачи видится в повышении общего уровня правовой культуры населения, столь необходимой для современного правового государства.

К великому сожалению, сам законодатель (а точнее, авторы соответствующих законопроектов) подчас плохо понимает подлинное предназначение некоторых элементов уголовно-процессуальной формы. По крайней мере, отдельные заложенные в текст УПК РФ процедурные требования не поддаются какому-либо внятному объяснению, а их выполнение представляется либо абсолютно бессмысленным, либо просто невозможным. Например, в одной из своих предыдущих публикаций мы отмечали отсутствие какой-либо необходимости в обязательном следственном осмотре приобщаемого к уголовному делу вещественного доказательства (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). На наш взгляд, подобный осмотр необходим лишь в случае невозможности сохранения соответствующего предмета для последующего визуального восприятия, в частности в судебном заседании¹⁴. Совершенно бессмысленным представляется также положение, предопределяющее проведение личного обыска человека, задержанного по подозрению в совершении преступления,

¹³ Например: *Полянский Н. Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М. : Изд-во Московского университета, 1956. С. 141 ; *Строгович М. С.* Указ. соч. С. 52 ; *Мотовиловкер Я. О.* Против формализма в уголовном процессе и за строгое соблюдение форм судопроизводства по уголовным делам // Проблемы охраны прав и законных интересов личности в социалистическом уголовном праве и процессе : сб. науч. трудов. Ярославль : Ярославский госуниверситет, 1985. С. 3—13.

¹⁴ *Антонов В. А., Россинский С. Б.* Следственный осмотр — лишнее звено в механизме приобщения вещественных доказательств к материалам уголовного дела // Юридическое образование и наука. 2018. № 3. С. 25—30.

который законодатель просто путает с не процессуальным личным досмотром¹⁵.

Существующая на сегодняшний день национальная модель уголовного судопроизводства предполагает наделение процессуальной формы по крайней мере тремя важнейшими юридическими свойствами (сущностными признаками): единством, всеобщностью и обязательностью. Так, под *единством уголовно-процессуальной формы* следует понимать абсолютную идентичность порядка производства по уголовному делу в целом и отдельных процессуальных механизмов в частности на всей территории РФ. Данное свойство вытекает из закрепленных в Конституции РФ условий разграничения предметов федерального, регионального (субъектов Федерации) и совместного ведения. Согласно п. «о» ст. 71 Конституции РФ процессуальное законодательство относится к исключительному федеральному ведению. В связи с этим уголовно-процессуальная форма в принципе лишается возможности использования региональных компонентов¹⁶. Хотя справедливости ради все же следует обратить внимание на право органов предварительного расследования и судов, находящихся на территории республик в составе РФ, вести производство по уголовному делу на государственном языке соответствующей республики (ч. 1 ст. 18 УПК РФ).

Невзирая на конституционную основу, подобный подход представляется неконструктивным, не учитывающим региональную специфику, оказывающую влияние на судебную и следственную практику. Субъекты РФ — это слишком разнородные административно-территориальные образования, явно непригодные к абсолютной унификации порядка производства по уголовным делам. Республики, края, области, автономные область и округа, города федераль-

ного значения имеют различную территорию, количество и плотность населения, характеризуются многими другими особенностями, которые не могут не затрагивать деятельность, связанную с расследованием, судебным разбирательством и разрешением уголовных дел.

Конечно, наиболее важные постулаты уголовно-процессуального права, в частности принципы уголовного судопроизводства, права личности и гарантии их обеспечения, правила собирания, проверки и оценки доказательств, механизмы использования государственного принуждения и т.п., должны регулироваться исключительно на федеральном уровне и реализовываться посредством единой юридической формы. Однако какие-то менее значимые детали, кстати, зачатую обусловленные именно территориальным разнообразием России, на наш взгляд, не только можно было, но и нужно передать в ведение субъектов РФ.

И за примером далеко ходить не надо. Достаточно вспомнить предусмотренный ст. 157 УПК РФ механизм возбуждения органом дознания уголовного дела и проведения по нему неотложных следственных действий. Любому специалисту, хоть немного ориентирующемуся в вопросах досудебного производства, вполне понятно, что данная мера имеет сугубо экстренный характер и направлена на возможность безотлагательного собирания первоначальных доказательств и решения иных следственных задач «по горячим следам», но без участия следователя, который по объективным причинам, в первую очередь ввиду территориальной удаленности от места происшествия, не может незамедлительно приступить к исполнению своих обязанностей. Для отдельных регионов РФ (например, Красноярского или Хабаровского края, Иркутской или Тюменской областей и т.п.) уста-

¹⁵ Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М. : Проспект, 2019. С. 130—150.

¹⁶ Для сравнения следует напомнить, что советское уголовно-процессуальное законодательство предполагало куда большую степень федерализма. В Советском Союзе не существовало единого УПК СССР. А уголовно-процессуальная деятельность регламентировалась рамочным общесоюзным законодательным актом — Основами уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г. и основанными на нем, но при этом имеющими свои особенности республиканскими уголовно-процессуальными кодексами, в частности УПК РСФСР 1960 г.

новленный законом для реализации данного механизма 10-суточный срок вполне оправдан, а где-то даже и недостаточен. В то же время в Москве или Санкт-Петербурге этот срок является непозволительной роскошью и лишь побуждает к различным злоупотреблениям, в частности к практике преднамеренно несвоевременного уведомления следователя о факте выявленного преступления, если начальник органа дознания заранее не уверен в его позиции по данному вопросу.

К сожалению, отмеченный конституционный изъян вряд ли будет устранен в обозримом будущем. Невзирая на существующие в последние годы тенденции, связанные с внесением изменений в Основной закон России, вероятность того, что ради столь «незначительной» причины будет затеяна очередная конституционная реформа, ничтожна. По крайней мере, пакет поправок, инициированных Президентом РФ в 2020 г., не предусматривает каких-либо изменений п. «о» ст. 71 Конституции РФ. Поэтому ученым-процессуалистам надлежит воздержаться от подобных утопичных идей и продолжать поиски «отраслевых» способов решения возникающих проблем посредством максимально возможного сглаживания и нивелирования данного изъяна через нормы федеральных законов и оптимизацию правоприменительной практики.

Под *всеобщностью* уголовно-процессуальной формы следует понимать требование о распространении установленного УПК РФ правового режима на все находящиеся в производстве российских органов предварительного расследования и судов уголовные дела вне зависимости от их объема, сложности и других фактических либо юридических обстоятельств. Вместе с тем свойство всеобщности не исключает возможности дифференциации процессуальной формы, то есть одновременного существования различных порядков досудебного или судебного производства в зависимости от квалификации преступления, наличия специальных субъектов, прямого волеизъявления участвующих лиц и целого ряда других факторов.

Так, по смыслу закона вся уголовно-процессуальная деятельность в целом (от возбуждения уголовного дела до исполнения приговора) диф-

ференцируется на общий порядок и ряд особых производств, предусмотренных частью IV УПК РФ: в отношении несовершеннолетних (гл. 50); о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51); о назначении судебного штрафа (гл. 51.1); в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52). Подобная позиция фактически поддерживается и во многих публикациях, в частности в учебниках по уголовному процессу, авторы которых, видимо стараясь синхронизировать структуру изложения материала с Уголовно-процессуальным кодексом, традиционно посвящают этим особенностям отдельные разделы и главы своих работ.

Вместе с тем согласиться с данным подходом достаточно сложно. Ведь специальные требования по каждой из указанных категорий уголовных дел хотя и предполагают определенную дифференциацию процессуальной формы, но тем не менее представляют собой достаточно мелкие и бессистемные положения закона, совокупность которых вряд ли может предопределять существование некоего особого порядка всей уголовно-процессуальной деятельности. На наш взгляд, здесь уместнее говорить об особенностях проведения отдельных процессуальных действий и принятия отдельных процессуальных решений. Например, в части производства в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52 УПК РФ) эти особенности сводятся лишь к специфическим правовым режимам возбуждения уголовных дел, задержания, избрания мер пресечения, привлечения в качестве обвиняемого и проведения отдельных следственных действий. Кстати, и сам законодатель, несмотря на то что называет часть IV УПК РФ «Особый порядок уголовного судопроизводства», на самом деле говорит лишь об отдельных изъятиях из общей процедуры (например, ч. 1 ст. 420, ч. 3 ст. 433, ч. 2 ст. 446.1, ч. 2 ст. 447).

Дифференциация процессуальных форм осуществления отдельных стадий уголовного судопроизводства характеризуется куда большим многообразием. Так, предварительное расследование может осуществляться в форме предварительного следствия или в форме дознания, которое, в свою очередь, разделяется на общий и сокращенный порядки. Для стадии подготов-

ки материалов уголовного дела к судебному заседанию предусмотрены такие формы, как общий порядок и предварительное слушание. Производство в суде первой инстанции осуществляется в общем порядке, в усложненном порядке — с участием присяжных заседателей и в упрощенном (особом) порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ.

Обязательность уголовно-процессуальной формы заключается в необходимости точного и неукоснительного исполнения всеми субъектами уголовного судопроизводства уставленных УПК РФ дозволений, предписаний и запретов. Это положение является одним из неперменных условий законности производства по уголовному делу, нарушение которого влечет различные юридические санкции, в частности, лишает полученные результаты юридической силы, обуславливает отмену либо изменение следственных, прокурорских или судебных актов, приводит к отказу в удовлетворении волеизъявления участвующих лиц и т.д.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что *под уголовно-процессуальной формой* следует понимать установленный уголовно-процессуальным законом всеобщий, единый и обязательный порядок производства по уголовным делам в целом и порядок реализации отдельных уголовно-процессуальных отношений в частности, обусловленный юридическими гарантиями эффективности и доброкачественности уголовного судопроизводства, отвечающими правовым и социальным ценностям определенного государства в определенный исторический период.

Продолжающийся последние годы поиск какого-то нового, собственного пути развития российского уголовного судопроизводства, с одной стороны, отвечающего международным стандартам, а с другой — учитывающего национальные традиции и накопленный богатый опыт предыдущих поколений, приводит к нерешительности законодателя, к его периодическим, в том числе достаточно серьезным, метаниям из стороны в сторону. А это, в свою очередь, влечет за собой нестабильность уголовно-процессуаль-

ной формы, частые изменения порядка реализации отдельных уголовных правоотношений.

В настоящее время можно выделить две противоположные тенденции. Первая из них выражается в стремлении законодателя к упрощению процессуальной формы, к появлению различных ускоренных процедур как в досудебном, так и в судебном производстве по уголовному делу. Например, в действующем УПК РФ впервые закреплен так называемый особый порядок принятия судебного решения, допускаемый при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ). В 2013 г. в систему уголовно-процессуального регулирования была введена сокращенная форма дознания, предполагающая возможность установления ряда обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, не посредством доказательств, а путем использования непроцессуальных познавательных мероприятий, проводимых в ходе проверки сообщения о преступлении и т.д.

В этой связи В. Н. Григорьев, весьма негативно оценивая данную тенденцию, пишет о существовании некоего тренда, связанного с низведением процессуальной формы до административного регламента¹⁷. Вряд ли в современных условиях стоит полностью исключать возможность определенного упрощения отдельных элементов процессуальной формы. Тем более что некоторые из них действительно являются чересчур «тяжелыми» и консервативными. Однако в одном автор безусловно прав: предпринимаемые в этом направлении шаги абсолютно бессистемны, зачастую недостаточно продуманы и в многом являются следствием того самого законодательного волюнтаризма, о котором мы писали выше. Достаточно хотя бы вспомнить предусмотренную для сокращенной формы дознания возможность «не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении» (п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). Видимо, вводя указанное правовое дозволение в систему уголовно-процессуального регулирования, законодатель

¹⁷ Григорьев В. Н. Указ. соч. С. 44.

просто-напросто забыл про то, что заключение специалиста не предполагает никакого исследования, а является суждением по поставленным сторонами вопросам (ч. 3 ст. 80 УПК РФ).

Вторая тенденция, напротив, выражена в постепенном усложнении процедуры проведения ряда процессуальных действий и принятия ряда процессуальных решений. В частности, на протяжении последних лет наблюдается расширение сферы применения механизмов судебного контроля как гарантии законности правоприменительной практики органов дознания и предварительного следствия. Так, в 2007 г. в исключительное ведение суда были переданы вопросы о выемке предметов и документов, содержащих государственную (иную охраняемую федеральным законом) тайну, и выемке заложенных (сданных на хранение) в ломбард вещей; в 2010 г. — о реализации или об уничтожении вещественных доказательств; в 2017 г. — о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката. Помимо этого, в 2018 г. законодатель достаточно сильно усложнил порядок проведения следственных действий, сопряженных с изъятием электронных носителей информации либо копированием электронной информации (ст. 164.1 УПК РФ). Усложнением процессуальной формы можно признать и имевшее место в недавнем прошлом расширение юрисдикции судебного состава с участием присяжных заседателей за счет некоторых уголовных дел, отнесенных к компетенции районного, городского или приравненного военного суда и т.д.

В настоящее время наблюдается еще одна достаточно негативная тенденция развития уголовно-процессуальной формы. Она заключается в стремлении законодателя формализовать, то есть «узаконить» (в узком смысле) гораздо более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства поведенческих приемов, чем этого требует здравый смысл. Уголовно-процессуальный кодекс РФ явно перегружен положениями сугубо технического либо технологического характера, не имеющими никакого высокого предназначения и не обусловленными никакими правовыми гарантиями эффективности или доброкачественности получаемых результатов.

Особое место среди таких положений занимают требования к оформлению правоприменительных актов и прочих процессуальных документов, перечисляющие их необходимые реквизиты. Например, часть 2 ст. 146 УПК РФ предписывает указывать в постановлении о возбуждении уголовного дела дату, время и место его вынесения, сведения о его авторе и т.д. Аналогичную конструкцию имеют правила составления протокола задержания подозреваемого (ч. 3 ст. 92 УПК РФ), постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ч. 2 ст. 171 УПК РФ), постановления о прекращении уголовного дела (ч. 2 ст. 213 УПК РФ), приговора (ст. 304 УПК РФ) и многих других документов резолютивного характера. Сходные требования законодатель предъявляет и к процессуальной форме следственных и судебных протоколов. Так, в ч. 3 ст. 166 УПК РФ прямо указывает на необходимость фиксации в протоколе следственного действия места его производства, сведений об авторе протокола и о каждом участвующем лице. Кроме того, обращается внимание на обязательность его подписания всеми участвующими лицами и т.д. Близкие по содержанию предписания существуют в законодательной регламентации протокола принятия устного заявления о преступлении (ч. 3 ст. 141 УПК РФ), протокола судебного заседания (ч. 2 ст. 159 УПК РФ) и других протоколов.

Едва ли указанные требования, равно как и все остальные технические или технологические правила, стоит регламентировать на законодательном уровне. Если следовать подобной логике, то в скором времени уголовно-процессуальная форма должна будет учитывать марку принтера, используемого для печати протоколов или постановлений, цвет чернил для их заполнения или степень разборчивости почерка их автора, что абсолютно бессмысленно. Представляется, что человек, имеющий высшее или даже среднее специальное юридическое образование, но при этом не обладающий достаточной правовой культурой, не осознающий потребности указания в уголовно-процессуальных актах и иных юридически значимых документах всех необходимых реквизитов, вообще вряд ли достоин права заме-

щения должностей в органах государственной власти, сопряженных с реализацией юрисдикционных полномочий.

Вместо превращения УПК РФ в пошаговую инструкцию для неграмотных правоприменителей и разъяснения им на законодательном уровне элементарных постулатов правовой культуры и азов делопроизводства, государству следует менять кадровую политику в отношении своих служащих, назначая на соответствующие должности профессиональных юристов. В этой связи остается лишь порадоваться, что в 2007 г. законодатель, по крайней мере, исключил из кодекса сами бланки процессуальных документов, что в свое время вообще не выдерживало никакой критики.

Уголовно-процессуальная форма должна оставаться юридической формой, то есть иметь высокое переназначение, обусловленное соответствующими правовыми (а не техническими) гарантиями эффективности и доброкачественности. Поэтому она и требует не просто нормативной, а именно законодательной регламентации, предполагающей особый, усложненный порядок правотворчества. В то же время сугубо прикладные аспекты проведения процессуальных действий и оформления процессуальных актов в подобной формализации не нуждаются. При необходимости соответствующие технические или технологические правила и рекомендации могут быть закреплены в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, ведомственных (межведомственных) нормативных актах либо методических указаниях, направленных на оптимизацию и обеспечение единообразия правоприменительной практики.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы отметить, что существующая в настоящее время форма российского уголовного процесса еще далеко не идеальна, характеризуется множеством неразрешенных проблем, поэтому нуждается в дальнейшем совершенствовании с целью достижения оптимального и разумного баланса между публичными интересами всего государства, с одной стороны, и правами личности, вовлеченной в уголовное дело, — с другой. Можно ли в обозримом будущем достичь подобной цели и в конце концов сконструировать идеальный, удовлетворяющий абсолютно всех порядок уголовного судопроизводства? Видимо, все-таки нет! Ведь уголовно-процессуальная форма изначально предполагает определенные противоречия и высокую степень субъективизма, поскольку является продуктом коллективного творчества людей и результатом сложных социальных и политических компромиссов и договоренностей. Да и вообще, достижение любого идеального результата означает абсолютное и не требующее дальнейшего развития совершенство, то есть завершенность, что по законам диалектики обуславливает конец существования данного процесса или явления. Таким образом, усилия законодателя, ученых, практических работников должны быть направлены не на создание какой-то идеальной уголовно-процессуальной формы, а на ее максимальное соответствие объективным потребностям современного российского общества и правоприменительной практики. Именно таким нам представляется дальнейший вектор развития этого сложного юридического феномена.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонов В. А., Россинский С. Б. Следственный осмотр — лишнее звено в механизме приобщения вещественных доказательств к материалам уголовного дела // Юридическое образование и наука. — 2018. — № 3. — С. 25—32.
2. Григорьев В. Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. Право. — 2018. — Т. 9. — Вып. 1. — С. 42—51.
3. Козявин А. А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 266 с.

4. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. — М. : Юрид. лит., 1989. — 638 с.
5. Медведева М. О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития : дис. ... канд. юрид. наук. — М. : МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018. — 250 с.
6. Мотовиловкер Я. О. Против формализма в уголовном процессе и за строгое соблюдение форм судопроизводства по уголовным делам // Проблемы охраны прав и законных интересов личности в социалистическом уголовном праве и процессе : сборник научных трудов. — Ярославль : Ярославский госуниверситет, 1985. — С. 3—13.
7. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. — М. : Изд-во Московского университета, 1956. — 271 с.
8. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. — М. : Госюриздат, 1961. — 277 с.
9. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. — М. : Проспект, 2019. — 192 с.
10. Смирнова И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Томск : Томский госуниверситет, 2012. — 50 с.
11. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — М. : Наука, 1968. — Т. 1. — 470 с.
12. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. — М. : Юрид. лит., 1975. — 327 с.
13. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. — М. : Госюриздат, 1951. — 511 с.
14. Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. — Минск : БГУ имени В. И. Ленина, 1974. — 143 с.
15. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. — М. : Юрид. лит. 1976. — 278 с.
16. Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М. С. Свиридова. — Томск : Томский госуниверситет, 2001. — 300 с.
17. Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. — М. : Юрид. лит., 1981. — 144 с.

Материал поступил в редакцию 22 апреля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antonov V. A., Rossinskij S. B. Sledstvennyj osmotr — lishnee zveno v mekhanizme priobshcheniya veshchestvennykh dokazatel'stv k materialam ugovnogo dela // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. — 2018. — № 3. — S. 25—32.
2. Grigor'ev V. N. Ugolovno-processual'naya forma ili administrativnyj reglament: sovremennye trendy // Vestnik SPbGU. Pravo. — 2018. — Т. 9. — Вып. 1. — S. 42—51.
3. Kozyavin A. A. Social'noe naznachenie i funkii ugovnogo sudoproizvodstva. — М. : Yurlitinform, 2010. — 266 s.
4. Kurs sovetskogo ugovnogo processa. Obshchaya chast' / pod red. A. D. Bojkova, I. I. Karpeca. — М. : Yurid. lit., 1989. — 638 s.
5. Medvedeva M. O. Ugolovno-processual'naya forma informacionnyh tekhnologij: sovremennoe sostoyanie i osnovnye napravleniya razvitiya : dis. ... kand. yurid. nauk. — М. : MosU MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2018. — 250 s.

6. Motovilovker Ya. O. Protiv formalizma v ugovolnom processe i za strogoe soblyudenie form sudoproizvodstva po ugovolnym delam // Problemy ohrany prav i zakonnyh interesov lichnosti v socialisticheskom ugovolnom prave i processe : sbornik nauchnyh trudov. — Yaroslavl' : Yaroslavskij gosuniversitet, 1985. — S. 3—13.
7. Polyanskij N. N. Voprosy teorii sovetskogo ugovolnogo processa. — M. : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1956. — 271 s.
8. Rahunov R. D. Uchastniki ugovolno-processual'noj deyatel'nosti po sovetskomu pravu. — M. : Gosyurizdat, 1961. — 277 s.
9. Rossinskij S. B. Zaderzhanie podozrevaemogo: konstitucionno-mezhotraslevoj podhod. — M. : Prospekt, 2019. — 192 s.
10. Smirnova I. G. Social'naya cennost' rossijskogo ugovolnogo sudoproizvodstva : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. — Tomsk : Tomskij gosuniversitet, 2012. — 50 s.
11. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. — M. : Nauka, 1968. — T. 1. — 470 s.
12. Sudebnaya praktika v sovetskoj pravovoj sisteme / pod red. S. N. Bratusya. — M. : Yurid. lit., 1975. — 327 s.
13. Chel'cov M. A. Sovetskij ugovolnyj process. — M. : Gosyurizdat, 1951. — 511 s.
14. Shpilev V. N. Soderzhanie i formy ugovolnogo sudoproizvodstva. — Minsk : BGU imeni V. I. Lenina, 1974. — 143 s.
15. Yuridicheskaya processual'naya forma: teoriya i praktika / pod red. P. E. Nedbajlo, V. M. Gorsheneva. — M. : Yurid. lit. 1976. — 278 s.
16. Yakimovich Yu. K., Lenskij A.V., Trubnikova T. V. Differenciaciya ugovolnogo processa / pod red. M. S. Sviridova. — Tomsk : Tomskij gosuniversitet, 2001. — 300 s.
17. Yakub M. L. Processual'naya forma v sovetskom ugovolnom sudoproizvodstve. — M. : Yurid. lit., 1981. — 144 s.